

КНИГИ О ДОБРЕ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СТРАН МАГРИБА РАССКАЗЫВАЕТ
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК С.В. ПРОЖОГИНА

На протяжении полувека Светлана Викторовна Прожогина изучает творчество магрибинских писателей, живущих и работающих в Алжире, Марокко и Тунисе, а также эмигрировавших в Европу.

Три эти страны в прошлом веке стали объектом многочисленных социальных и политических трансформаций, их народы пережили периоды нелегких испытаний и разные этапы борьбы за национальную независимость, в ходе которых приверженность вековым традициям неизбежно сталкивалась с неумолимыми вызовами времени. Писатели, да и все магрибинские деятели культуры, переживали эти процессы особенно болезненно и трудно. Перед ними стояла нелегкая задача - примирить противоречивые тенденции в мировосприятии их земляков, убедить их найти свой, единственно правильный путь сочетания элементов векового уклада жизни с нормами культурного прогресса, которым следует большинство цивилизованного мира.

Специфика «литературной работы» (как говорил Маяковский) писателей Алжира, Марокко и Туниса заключается еще и в том, что значительное их число живет и работает вне своих государств, обосновавшись в Европе, в основном во Франции, куда они эмигрировали вместе с сотнями тысяч своих соотечественников. Большинство их земляков направили свои стопы по другую сторону Средиземного моря в поисках лучшей жизни. Литераторы же - в стремлении приобщиться к высотам европейской культуры или вследствие несогласия с теми политическими переменами, которые происходили в их странах.

Вместе с тем, их не могли не интересовать проблемы адаптации соотечественников к нормам

и традициям европейской жизни - этому они посвятили десятки произведений. А некоторым магрибинским писателям удалось органично войти в европейскую культурную среду, где их приняли как равных. Их произведения с интересом читают во многих странах Запада, они удостоены многочисленных литературных наград и премий мирового уровня.

В публикуемом сегодня интервью с корреспондентом журнала «Азия и Африка сегодня» С.В.Прожогина справедливо отмечает, что не сегодня-завтра процессы, аналогичные зафиксированному в творчестве магрибинцев, начнут происходить и в России. У нас тоже появятся литераторы - русские и выходцы из северокавказской, среднеазиатской и иных национальных диаспор, которых привлечет тема симбиоза национальных культур и местных традиций. Им наверняка будет интересно знать, как отражают эти проблемы их коллеги - деятели культуры из других регионов мира.

- Буквально на днях вышла из печати Ваша новая книга «Мир Гор». Скорее всего, она еще не успела дойти до широкого читателя, поэтому расскажите об этой работе.

- Книга посвящена одному из важных направлений в творчестве североафриканских писателей, исследованием которого я занялась сравнительно недавно. Речь идет о «Мире Гор» - о людях, которые живут в Магрибе в горной местности. У этих гор точное географическое название - Верхний Атлас, но семантическая амплитуда этого образа в литературе очень широка.

Собственно, весь Магриб состоит в основном из пустынь и гор; ну и, конечно, омывается морем и океаном. И если о людях

пустыни пишут многие литераторы - и я не раз в своих работах разбирала некоторые их произведения, то книги, рассказывающие о «Мире Гор», долгое время как-то «ускользали» от моего внимания. Теперь, обращаясь к этому направлению магрибинской литературы, я открываю в ней много нового и интересного. Такого, что мне даже пришлось пересмотреть некоторые свои взгляды...

- Вы долго жили в странах Магриба, хорошо знаете этот регион Востока и наверняка лично знаете многих магрибинских писателей. Что изменилось в их творчестве с тех времен, когда Вы только приступили к изучению литературы Алжира, Марокко и Туниса?

- Изменилось многое. Если в то далекое время - в 1960-х гг. - магрибинская литература была сугубо «местным явлением» и писателей этих трех стран знали только в своих регионах, то сейчас лучшие из магрибинских литераторов хорошо известны. Если не во всем мире, то уж точно, в большинстве европейских стран - и не только во Франции, где многие из них живут и работают. Существенно изменилась и тематика произведений: если 30-40 лет назад они были посвящены борьбе за независимость, войне, которая велась в Алжире, то теперь в основном их темы «универсальны» - о смысле жизни, самоидентификации человека в современном мире, о его любви, о его ненависти, наконец. В этих работах традиционно присутствовали темы пустыни, моря - той среды, в которой живет большинство магрибинцев.

Во многих произведениях образ пустыни и моря - это пространство надежды. Я писала в своих работах о его трансформациях. В последнее время на первый план выходит тема Горы, или, как

мы здесь, в России, сказали бы, - тема горцев - их традиций, быта, мироощущения в быстро меняющейся действительности. Из произведений почти всех крупных магрибинских писателей XX и XXI вв. - и литераторов-«горцев», если их так можно назвать, да и «горожан» тоже - следует, что именно жители гор - в наибольшей степени носители вековых традиций народов. Традиций и этнобытовых, и этнополитических - свободолюбия, сопротивления разного рода угнетателям. «Люди Гор», если следовать мифологии, - более, чем остальные, близки к Небу, и потому они лучше остальных слышат голос Великого и Вечного Разума и лучше понимают основополагающие истины, на которых зиждется Мир. Как следствие, у них особенно остро развито чувство справедливости, они особенно нетерпимы к тем, кто эту справедливость нарушает.

- Мы знаем, что чаще всего несправедливой бывает власть. Означает ли это, что «Люди Гор» изначально оппозиционны к любой власти?

- Они просто более чувствительны к проявлениям несправедливости со стороны «властей предрержащих». Особенно ярко об этом поведаль марокканский писатель Д.Шрайби в своем произведении «Допрос в деревне», красочно описав, как «уходит в небо» целое большое племя, не пожелавшее выдать людям, злоупотребляющим властью, якобы изменника и предателя, которого «Люди Гор» таковым не считали.

«Люди Гор» не приемлют не только проявлений несправедливости со стороны своих, доморощенных «начальников». Как к крайней несправедливости они - и это очень важно! - относятся и к такому сравнительно новому явлению, как исламский фундаментализм. Это ярко отражено в романе алжирского писателя М.Дибба «Если захочет дьявол». Роман о том, как горцы сопротивлялись появившимся в их местах фундаменталистам. Они точили «старые ножи» и чистили ружья, сохранившиеся со времен антиколониального Сопротивления, чтобы дать отпор тем, кто убеждал, что исламизм - это продолжение борьбы за справедливость. «Люди Гор» не дали себя обмануть, поступив так, как они считали нужным, очистив свой край от «диких

собак», мешавших их мирной жизни. В этом романе, в сущности, «смоделирована» вся ситуация, характерная для Алжира конца прошлого - начала нынешнего века, когда местные фундаменталисты пытались направить жизнь государства в русло радикального ислама.

Теперь подобную ситуацию мы можем наблюдать, увы, на примерах других стран Востока...

- Вы намерены продолжать изучение литературы магрибинского «Мира Гор», или Ваши планы простираются за пределы этой - безусловно, интереснейшей - темы?

- Да, разумеется, моя работа не исчерпывается литературой о «Мире Гор». В моих планах - а они весьма объемисты - изучение многих интересных аспектов творчества магрибинцев. Хочу глубже изучить творчество сравнительно небольшой, но очень яркой группы писателей Алжира, Марокко и Туниса, получивших в последнее время широкую известность, - Я.Хадры, Б.Сансаль, Р.Бужедры и некоторых других. Мне интересно, чем их работы привлекли внимание читателя, какие душевные струны европейцев они затронули. Особенно для меня интересно творчество «беров», т.е. тех магрибинцев, которые родились на Западе. Я хотела бы посвятить каждому из них отдельное монографическое исследование - настолько значительным и актуальным представляется мне их творчество. Очень интересная тема - алжирские писательницы. Их довольно много, и все они чрезвычайно разные - здесь широкое поле для исследователя-литературоведа.

- В нашем журнале Вы писали как раз о том, что чрезвычайно важная тема - это творчество магрибинских иммигрантов, давно уже осевших в Европе. А чем конкретно оно интересно для Вас?

- Изучать и анализировать творчество эти писателей, например, Л.Себбер, М.Шарефа, Н.Бурауи, крайне интересно. Ведь некоторые из них «европеизировались» настолько, что по языку и стилю их не отличить от литераторов - коренных французов. А вот «голос предков» дает о себе знать в выборе предметов творчества, образе мышления, в нравственных императивах героев их романов и повестей. Они все рав-

но не вписываются в «европейские рамки».

В чем специфика европейской магрибинской литературы? В чем, собственно, ее отличие от национальной - алжирской, марокканской, тунисской? Мне хотелось бы изучить это подробнее и, возможно, посвятить этой теме теоретическую работу. Тема непростая: тысячи магрибинцев живут в Европе десятки лет, они почти утратили связь с родиной, у них растут дети и внуки, которые стали уже «почти европейцами». Интересно, будет ли хоть что-то магрибинского в произведениях этих детей и внуков, когда они подрастут и возьмутся за перо?

В этой связи меня, как сотрудника академического института, разумеется, волнуют ожидаемые реформы системы РАН. Издавать работы на сравнительно узкие литературоведческие темы и сейчас непросто - боюсь, что после «перестройки» это будет сделать еще сложнее.

- А волнует ли «европейских магрибинцев» то, что сейчас происходит в их странах, сочувствуют ли они, сопереживают ли своим народам?

- Они не только сопереживают, но и своим пером борются за их свободу. И это тоже тема ряда произведений писателей, не забывших о своих корнях. Многие из литераторов поднимают ее, стремясь достучаться до сердец своих молодых соплеменников. Например, именно об этом пишет алжирец Б.Сансаль в вышедшем недавно романе «Деревня немца».

В какой мере это удастся сделать остальным магрибинским литераторам? Я думаю, что, в целом, семена попадают в благодатную почву. Ведь многие молодые магрибинцы сталкиваются с недоброжелательностью со стороны своих ровесников-французов, с дискриминацией при поступлении в престижные вузы и т.д. Трудно приходится совсем юным ребятишкам - этническим североафриканцам, т.к. многие из них, увы, отстают в школах, некоторых из них за неуспеваемость безжалостно отчисляют. Словом, и по сей день напоминаний о «нефранцузском» происхождении молодых магрибинцев более, чем достаточно. Этим пользуются имамы-фундаменталисты, приспособившие под радикальные исламист-

ские школы подвалы заброшенных зданий, которых во французских городах довольно много. В упомянутом выше романе «Деревня немца» эти проблемы освещены более, чем ярко.

- Похоже, Вы принадлежите к противникам «политики мультикультурализма», провозглашенной несколько лет назад представителями европейской интеллигенции...

- Сейчас практически повсеместно признается, что такая политика в Европе потерпела крах. Что бы там ни говорили о равенстве культур, этнические меньшинства в европейских странах еще долго будут подвергаться большей или меньшей дискриминации со стороны коренного большинства. Французская культура, во всяком случае, доминирует во Франции. Похоже, что живущие в Европе магрибинские писатели это осознают и не ставят в своих произведениях явно нереальную сегодня проблему полной и взаимной ассимиляции двух культур. Какое может быть «культурное равенство», если возникают все новые и новые барьеры? Чего, скажем, стоят введенные во Франции огромные - до полутора тысяч евро - штрафы за ношение чадры?

Но и тема нарушений самой французской идентичности тоже нередко поднимается в среде интеллигенции, недовольной тем, что частенько и сами «французские арабы» называют коренных французов «аборигенами». Во многих произведениях описываются такие абсолютно реальные, действительно происшедшие случаи. Таким образом, ценность изучаемой мной магрибинской литературы заключается еще и в том, что она выполняет роль сборника своеобразных «документов эпохи», которые помогут потомкам лучше понять реалии нашего времени.

- В одной из своих статей в нашем журнале Вы упомянули о феномене «женской литературы» в странах Магриба...

- Своеобразная вспышка «женской литературы» - явление характерное не только для стран Магриба, но и для литературного процесса во всем исламском мире. На мой взгляд, это прямой отклик на то, что буквально повсюду о специфике женской души не протяжении многих десятилетий писали - и хорошо писали! - в основ-

ном мужчины: вспомните наших Тургенева и Толстого, французов - хотя бы Анатоля Франса и Ги де Мопассана... В восточной литературе ситуация была примерно такой же. Настало время, когда потребность рассказать о самих себе, о своих проблемах и заботах пришла к самим женщинам. Женщины решили выступить в литературе «от первого лица». В европейской литературе первые женские литературные опыты имели место еще в середине позапрошлого века; на Востоке, в мусульманской среде, это время пришло позднее.

Первыми это сделали писательницы-алжирки А.Джебар и Л.Дебеш. И сделали блестяще - их произведения на женскую тему сразу же получили широкую известность, а А.Джебар даже стала членом нескольких академий, в т.ч. Французской, получила ряд престижных премий. Сейчас в одном только Марокко десятки женщин, которые берутся за перо. Из наиболее значительных и талантливых назову С.Буккедам. Главная тема, естественно, - новые возможности, которые открылись перед женщинами Востока в XX в. Даже в монархическом Марокко уже давно - еще в 1950-е гг. - женщины получили доступ к среднему и высшему образованию - ранее они об этом даже не мечтали...

Но вот что интересно: если судить по произведениям писательниц-магрибинок, даже трижды успешная в своих делах бизнесвумен, даже добившаяся выдающихся успехов женщина-архитектор, художница, адвокат, учитель, инженер, врач и т.д. - все равно не ощущают себя счастливыми без простого и обыденного семейного счастья. Или, точнее, без взаимной любви, душевного союза с мужчиной...

Не правда ли, странная позиция? Женщины Востока столько лет боролись за равенство во всем с мужчинами, многого достигли на этом пути... И вот теперь мечтают о как бы ограничении своей свободы - на этот раз о возможности обретения прочных семейных уз. Может быть, в этом специфика женщины Востока и ее отличие от европейской женщины?.. Даже если у нее большой дом, гора денег, прекрасное положение в обществе, она никогда не назовет себя счастливой, если у нее нет семьи, любящего мужа, детей. Семья для нее - это ощущение «кор-

ней», потребности нормально общаться как со своими родственниками, так и с родственниками мужа; женщина ждет, что ее достижения в жизни оценит именно эта среда. И это - очень «восточная» традиция. Свобода, конечно, важна, но большая семья, прочные корни, родной дом - все это гораздо важнее! Таков лейтмотив большинства романов и повестей, всей нынешней «женской» магрибинской литературы.

- Боюсь, если такие книги появятся в переводе на прилавках российских книжных магазинов, наши читатели, и особенно читательницы, их не поймут: как же так - иметь все, чего только пожелаешь, - и чувствовать себя несчастной?.. Не по-нашему это как-то...

- Возможно, и не по-нашему. Но очень по-магрибински. И я здесь целиком на стороне женщин Востока. Все-таки именно семейные ценности, а точнее любовь и семья, должны быть стержнем в жизни каждой женщины. Писательницы Алжира, Марокко и Туниса это глубоко прочувствовали, их произведения, где отстаивается такая позиция, вызывают у меня глубокое уважение.

Кстати, она сродни старой русской традиции: помните слова почти ставшей народной песни - «Лишь бы побыть мне в сладком плену...» Может быть, поэтому русские женщины, вышедшие замуж за арабов-магрибинцев, в большинстве своем счастливы в браке. Во всяком случае, в понимании роли любви в семейных отношениях у них полное единение с мужьями. Кстати, это отмечается и в работах ряда российских исследователей проблем семейных отношений.

- Мы с Вами говорим в основном о литераторах, пишущих прозу - романы и повести. А существуют ли в магрибинской литературе такие жанры, как короткие новеллы, сатира и юмор, фантастика? Как обстоят дела с поэзией? А также с таким заметным пластом литературы, как книги для детей?

- Все эти жанры представлены достаточно широко. Книг для детей издается много. К сожалению, недавно умер выдающийся детский писатель мирового уровня алжирец Р.Беламри. Большинство писателей-прозаиков одновременно работают и в малых жан-

рах - пишут рассказы, новеллы, эссе. А некоторые прозаики, к тому же, и хорошие поэты, например М.Диб, М.Хаддад, Т.Бекри. Но, замечу, что жанровое разнообразие магрибинской литературы - отдельная большая тема. Постараюсь написать об этом специальную статью в ваш журнал.

- У Вас довольно много публикаций о магрибинской литературе. Как по-вашему, многих ли читателей привлекает эта довольно специфическая тема?

- Разрешите «нескромно» ответить на ваш вопрос: у моих работ один из самых высоких «индексов цитирования» среди литературных критиков, публикующих статьи и книги о литературе Северной Африки. На прилавках мои книги тоже вроде бы не залеживаются - значит, читатели есть. На Западе к магрибинской литературе, по-видимому, в силу ее своеобразности и непохожести на литературу остального арабского мира, проявляется живой интерес: книги писателей Алжира, Марокко и Туниса издаются в США, Великобритании, Германии, не говоря уже о Франции.

- Ну а как выглядит «средний читатель» таких книг в странах Магриба?

- У писателей в Алжире, Марокко и Тунисе благодарная аудитория - тиражи книг, по нашим, российским меркам, довольно большие и раскупаются практически полностью. Все три названных выше государства - страны с рыночной экономикой, и литературу, не пользующуюся спросом, там просто не издадут. Читателям же европейских стран практически все равно: написана книга французом или, например, марокканцем - была бы она интересной и содержательной. Сегодня книги, авторами которых значатся арабы или берберы, воспринимаются в Европе уже не как «восточная экзотика», а как часть общего интеграционного литературного процесса.

В кругах интеллигенции, пожалуй, можно даже констатировать несколько повышенный интерес к магрибинской франкоязычной литературе. Ведь она - почти всегда отражение общественных настроений в той или иной стране или социальной среде. Что интеллигентной части общества традиционно интересно.

- В России сейчас трудно найти мало-мальски интересную книгу, которую не экранизировали бы кинематографисты. Есть ли экранные варианты произведений магрибинской литературы?

- Таких немало. Есть даже алжирский писатель, практически все произведения которого экранизированы, - это Я.Хадра. Во всех трех странах - Алжире, Марокко и Тунисе - есть собственные киностудии, и экранизации в их планах занимают значительное место. Правда, эти фильмы предназначены в основном для внутреннего рынка.

Попутно замечу, что во французском кино работают десятки магрибинцев - актеров, режиссеров, сценаристов; особенно много среди них алжирцев*.

- Магрибинские писатели живут литературным трудом или вынуждены где-то работать?

- Таких, как, например, упоминавшийся выше М.Диб и известный лауреат Гонкуровской премии Т.Бенджедун, можно назвать профессиональными писателями; они, предполагаю, живут или жили только на гонорары. Подавляющее же большинство работают, что в современной восточной литературе в порядке вещей, и никого это не удивляет. Иногда переводу писателя в разряд профессионалов помогает получение какой-либо значительной литературной премии. Так, например, сложилась судьба доктора филологии А.Джебар. Но и она впоследствии долго преподавала в университете. В прошлом году крупную международную премию получил писатель Б.Сансаль.

Как ни парадоксально, самые, на мой взгляд, интересные книги современных магрибинских писателей написаны именно писателями, одновременно работающими архитекторами, врачами, учителями, адвокатами. Предполагаю, что близость к жизни, знакомство с десятками людей как раз и дает им материалы для своих произведений.

- В России издается очень ма-

ло книг арабских писателей, а литераторов-магрибинцев, можно сказать, почти совсем не издают. Доводилось слышать тому объяснение: мол, этот мир слишком далек от нашего, и многие произведения будут непонятны для российского читателя. Вы тоже так считаете?

- Нет, я так не считаю. Скажем, латиноамериканский, китайский, японский мир, судя по длинному списку издаваемых книг и их тиражам, оказался близок российскому читателю. А почему магрибинский мир вне поля внимания наших переводчиков и издателей? Не вижу этому объяснения.

Надеюсь, что такой досадный «перекосяк» будет, в конце концов, исправлен. И, скажем, африканец Рашад Буджедра станет в России не менее популярен, чем латиноамериканец Габриэль Гарсиа Маркес.

- И в заключение. Редакция журнала поздравляет Вас с днем рождения и 50-летием научной и творческой деятельности. С каким настроением встречаете свой «двойной юбилей»?

- С прекрасным! Много планов, впереди новые встречи с литераторами стран Магриба. В эти дни я, как никогда прежде, ощущаю, что мои работы несут не только литературоведческий, но и определенный общественно-политический характер. Наша страна сталкивается в последнее время с большим числом проблем, связанных с мигрантами из Северного Кавказа, взаимопроникновением и взаимодействием разных культур.

Во многих произведениях магрибинских писателей, прежде всего живущих в странах Западной Европы, рассказывается о путях решения или ошибках в решении подобных проблем. Да и повседневная житейская практика «врастания» эмигрантов из Северной Африки в европейскую культурную среду богата примерами самого разного свойства.

Искренне надеюсь, что мои попытки рассказать обо всем этом через призму современной литературы магрибинцев в какой-то мере помогут российским социологам и политикам разобраться в этих непростых вопросах.

*Беседу вел
Н.И. ПЕТРОВ*

* О современных фильмах стран Магриба см.: Шахов А.С. Современное алжирское кино // Азия и Африка сегодня. 2013, № 2; его же. Тунис. Кинофильмы последних лет // Азия и Африка сегодня. 2013, № 6 (прим. ред.).